

Все мы как бездомные собаки...

Век. — 1995. — 7-13 июля. — с. 11

ПЕРСОНА

Главный режиссер Театра им. М. Н. Ермоловой Владимир Андреев верит в зрителей

Ирина ЗВЕРЕВА

— В одном из интервью вы говорили, что не хотели бы ничего менять в политической жизни общества, но можете и хотите что-то поменять в человеческой. А что именно, Владимир Алексеевич, вы хотели бы поменять?

— Я каждое утро задаю себе вопросы, причем стараюсь, чтобы они были не очень «удобными», и пытаюсь ответить на них, для того чтобы проверить свою платформу нынешнего дня. Потому что 27 августа мне исполнится 65 лет, и я хочу заработать право на монолог. О том, во что я сегодня действительно верю; о том, с чего меня не собьет даже умудренный опытом и знанием оппонент. И тогда я могу говорить твердо: не согласен, согласен, верую, вам не верю, а в вас очень верю и на вас надеюсь — для чего? Чтобы продолжать верить в то, что я в себе несу, что может быть полезно сегодняшнему дню. Какие-то опоры наработаны опытом всей моей жизни. И одна из них для меня: да, я буду заниматься театром, буду думать о пьесе, даже если поставить ее уже не успею. И вот в этих своих ощущениях я вдруг наткнулся на высказывание Кромвеля: «Никто не заходит так далеко, как человек, который не знает, куда идет». И я начинаю думать, а как же много, наверное, таких людей...

Первым, кому я предложил задуматься над этим, был я сам. Вы скажете: «А не поздно ли?» Наверное, никогда не поздно.

— А вы знаете, куда идете?

— Однажды Давид Самойлов, пьесу которого мы сегодня репетируем, сказал: «И начинает уставать вода, и это означает близость сне-

га...» — и отсюда я возвращаюсь мысленно к поэзии, философии Шекспира, который сказал: «Готовься к смерти, тогда и жизнь, и смерть, что б ни было, приятней будут».

Я сегодня по большому счету иду, может быть, очень медленно к некоторому подведению итогов. И не все из них приносят мне полное удовлетворение. Зигзаги были. И лжет тот, кто говорит, что жизнь его была

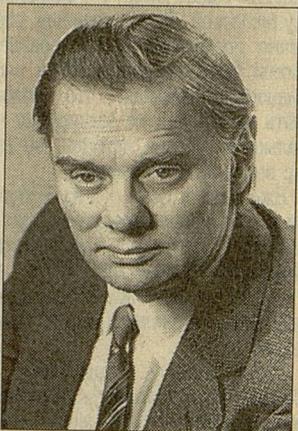

Фото ИТАР-ТАСС

выверена предельно точно, удивительно красиво. Лгут эти люди и наговаривают на других. Всякое было — ошибки были, подлости не было. Я брал какую-то пьесу только тогда, когда видел, что могу высказать здесь то, что именуется в конечном итоге призывом к милосердию, борьбой за добро — да! Или борьбой с идеологием в тех возможных пределах, которые обозначены были временем, я брался за это, пытаясь преодолеть сложности драматургического свойства, заложенные в пьесе. Если была основа, если она выражалась, я чувствовал себя в определенной мере если не счастливым, то не случайно живущим человеком.

Пока я хожу, пока я живу, пока мне хочется жить, я иду по пути постижения и окружающего мира, и себя

самого. И я не одинок в этом. Мне очень хочется, чтобы сохранялось ускользающее из нашего общества добро, и своими скромными силами я, как могу, пытаюсь это сделать. Мне очень хочется, чтобы, как в других странах и городах, и в моем родном городе не довели бы до момента, когда необходимо проводить кампанию по уничтожению дичающих собак и бездомных кошек, а находили бы время и возможность думать о них. Мы только что вернулись из гастрольной поездки в Израиль, куда возили спектакль «Пат, или Игра королей». Поездка была очень интересная, и кроме прочего поразило большое количество собак в ошейниках — знаешь, что эта не будет убита, а другая не будет задавлена, а третью поведут домой... Возвращаясь в Москву — и кругом обреченные собаки. И я страдаю, потому что это слишком тождественно нашей сегодняшней жизни. Бездомные собаки — это мы все...

С годами начинаешь очень ценить одиночество, которое иногда возникает с помощью тех людей, которые вдруг оказываются рядом с тобой. Пусть их немного, но они есть, и это действительно большое счастье. Потому что любой человек чувствует себя в какой-то момент одиноким. Очень важно найти союзника, даже если ты загнан каждый день.

— Как вы ощущаете себя в сегодняшнем дне?

— Я чувствую себя в нем, можно сказать, странно. Но это совсем не значит, что плохо. Я люблю выходить на сцену. Даже когда очень устаю, даже когда понимаю, что надо бы отдохнуть. Это не садистское отношение к собственной природе, нет, это сегодняшнее ощущение профессии — оно почему-то возникает с особой остротой, так же, как, например,

сегодня возникает какое-то новое отношение к тому, что именуется подрастающим поколением. Чувствуешь, что не все, но многие молодые способны тебе воздать, что ты им отдаешь, то, во что веруешь, то, что проверяешь вместе с ними. Я в последнее время нет-нет, да испытываю эти чувства.

Я очень осторожно отношусь к подведению итогов. Не потому, что их не надо подводить, а потому, что если сегодня тебе при всех тяготах хоть что-то удастся сделать и что-то сберечь и развить, а к тому же еще и остается желание работать — это трудно, но прекрасно. Знаете, какое это удивительное чувство, когда маленький камерный зал на спектакле «Нахлебник» наполняется зрителем!.. Тургенев, хрестоматийная литература — а выставляются дополнительные ряды, в зале стоят люди, и среди них опять-таки много молодежи, это значит, что работа над этой пьесой была не случайной. Не зря я, как режиссер, увлекся идеей Владимира Заманского, чудесного артиста, который так хотел сыграть Кузовкина, а рядом с ним возникли совсем юные или уже опытные актеры среднего поколения...

Сегодня мы встречаемся с разными зрителями, и в последнее время я ощутил, что молодые люди, приходящие в театр, отличаются от тех, что иногда были в зале в начале сезона. Те, кого не зазывают целенаправленно, кто сам приходит, совсем другая публика. Я не хочу в очередной раз посетовать на то, что наша школа сегодня скверно воспитывает своих учеников и не приобщает их к культуре театра, концертов, к культуре восприятия музыки, — тем не менее я чувствую, что возникшие в последнее время новые жанры не всегда достойно раз-

виваются сами и развивают зрителя. Да простят меня представители этих жанров, я не обо всех говорю, но порой именно театр сокращает количество извилин тех, кто вступает в жизнь. А говорю я это потому, что снова и снова думаю: сохранение и любовь к тому, что именуется мыслью крупной, словом красивым останется и в нашем каждодневье вообще, и в «я» действующем, читающем, воспринимающем. Иногда сегодня это возникает скороговоркой, бегло, мне кажется, что это — грех...

— А вы не думаете, что настоящее искусство, театр, и ваш театр в частности, может сделать так, чтобы зрители сами приходили, а не «приводились»? Вы верите в это?

— Я верю. Должен сказать, что пока я испытываю радость от того, что в зале те, кто именно на этот спектакль пришел, на этого автора, к этим актерам. И тогда итог в финале спектакля тот, о котором ты если не мечтаешь, то, несомненно, ждешь. Вот недавно после спектакля «Союз одиноких сердец» приходят люди: совсем юная девочка, лет шестнадцати, а рядом с ней мать — пришли за автографом. А потом пришел пьяный человек, который сидел в первом ряду в темных очках и демонстрировал почти весь спектакль умение «свободно вести себя», а я в течение спектакля преодолевал свое неприятие этого зрителя. И вдруг он пришел за автографом и фотографией. Я рад тому, что он пришел, потому что имел возможность не дать ему автограф и объяснить, что он не заслужил фотографии, потому что не научился вести себя в театре. Но он — это он. А шестнадцатилетняя девочка — надежда. Хотя бы на то, что не всегда нам оставаться бездомными собаками, правда?..